

А. М. Сулейменова

ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЕ ПУРПУР (МУРАСАКИ) В ЯПОНСКОЙ ПОЭЗИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ

В статье анализируется специфика использования цветообозначений типа мурасаки (пурпур) в японской поэзии начала XX в. в сопоставлении с подобными поэтическими приемами в классической поэзии пятистиший танка. Объектом исследования стали произведения поэтов-модернистов – Масаока Сики (1867–1902), Ёсано Тэканна (1872–1935) и Ёсано Акико (1878–1942).

Ключевые слова: японская поэзия, пятистиший танка Нового времени, японский язык, семантика цветообозначений.

Особенности трансформации поэтической картины мира как следствие взаимодействия автора с культурными тенденциями общества в последнее время привели к множеству открытий на стыке литературоведения и лингвистики, например, при исследованиях языковой личности в художественном произведении, в историко-этнографическом изучении особенностей проявления национальной специфики, языкового менталитета в мировой литературе [1–2].

Цветообозначение *красный* (*акай* в японском языке) как одно из основных в большинстве мировых языков всегда ассоциировалось с огнем, несущим тепло и любовь, а также с красотой и благородством. Отсюда применение красного цвета в таком русском обороте, как красна девица, в японском сочетании *акабоси* (красный головной убор, в переносном значении – причудливый, капризный). Красный в дальневосточных культурах символизирует божественность (священные ворота тории в синтоизме, красный цвет Запретного города Гугун и т.д.). Многофункциональность красного цвета широко обсуждалась в лингвистических и литературоведческих работах; в данной статье мы ограничимся близкими по положению в спектре, но различающимися по восприятию цветообозначениями – пурпуром (*мурасаки*) и алым оттенком красного (*курэнаи*).

Многими специалистами в области культуры Японии отмечаются два наиболее популярных цвета – красный и пурпурный, так как они играли значительную роль в бытовой истории жителей Страны восходящего солнца. Красильщик и ткач Ёсиока Сатио отмечает, что красный цвет упоминается в китайских хрониках, описывавших нравы японцев еще в древнее время: «Они разводят личинок шелкопряда и плетут нити, ткнут полотна и шелк... Они окрашивают части своих тел в красный цвет, используя такие минералы, как киноварь или красный оксид свинца, точно так же, как люди в Китае используют белую пудру для лица в качестве косметики» [3, с. 12]. Придворные дамы раннефео-

дальной Японии надевали поверх ярко-красной одежды мантию из белого шелка-сырца, которая сводила ослепительно-красный цвет к бледно-красному. Этот поразительный эффект, названный *сакурагасанэ* (букв. *слои сакуры*), был особенно удачен в пору цветения вишневых деревьев [3, с. 15]. Среди растений, использовавшихся в качестве источника краски, С. Ёсиока упоминает сафлор и цефалонию, применявшихся для красных оттенков, а также многолетнее полевое растение воробейник *мурасаки* – для пурпурной краски¹. Именно последний фитоним мурасаки сыграл не последнюю роль в формировании специфического тонкого вкуса аристократов эпохи Хэйан (794–1898), а также роль поэтического канона средневековой литературы. С течением времени красный и другие яркие оттенки уступили место темным и скромным тонам одежды. Это было вызвано ограничениями, регламентацией жизни в конфуцианский период Эдо (1603–1868) указами сёгунского правительства, согласно которым горожанам нельзя было носить яркие одежды. Но подкладка и нижнее белье часто были из красного блестящего шелка, окрашенного большим количеством шафрановой краски. Поэты и писатели часто прибегали к сравнению запретной любви с красной изнанкой рукавов или пурпурным отворотом воротника.

Примером подобного проявления чувствительности к одному оттенку могут служить строки из следующего пятистишия классической антологии неизвестного автора «Кокинвакасю» («Собрание старых и новых песен Японии», IX–X вв.):

Коисикуба	Если любишь,
Сита ни омоэ	Храни чувство в тайне –
<i>Мурасаки</i> но	(не показывай людям),
Нэдзури но коромо	Словно платье,
Иро ни идзу на юмэ	Окрашенное в пурпурно-лиловый
	цвет (травой)...
	[4, т. 2, с. 270, пер. с япон. А. Долина].

Эпитет, концентрирующийся вокруг исследуемого цветообозначения, *мурасаки но/нэдзури но*

¹ Сафлор (по-японски каракурэнаи) давал темно-красный тон при крашении, судя по японскому названию, был позаимствован из континентальной Азии. Существовали также так называемые модные краски (имаёиро или иккондзомэ).

коромо (платье, окрашенное в пурпурно-лиловый цвет), связан в данном стихотворении со свойством краски терять цвет – *иро ни идзу* (потерять цвет). Современный поэт и специалист по традиционной поэзии *танка* (пястишия) Оока Макото отмечает, что ключевой для средневековых поэтов была эта способность ярких оттенков типа *мурасаки* или *курэнаи* (алый) легко менять цвет, которая и заключается в каноническом словосочетании *иро ни идзу* или в другом обороте *уцуроу* (выцветать) [5, с. 32]. М. Оока указывает также на многозначность понятия *иро* (в словаре коннотации к этому слову варьируются от понятий *цвет, окраска, тон* до понятий *любвные отношения, распушенность*). Благодаря этому читатель догадывается о глубине любви, которая сокрыта в душе поэта, но склонна к выцветанию, угасанию.

В. А. Богушевской отмечается, что в китайском языке цветообозначения фиолетовый и розовый возникли раньше, чем другие смешанные цветообозначения, а такое наименование цвета, как *hōng* (красный в китайском языке и *курэнаи*, алый в японском языке), вытеснило *chì* (красный в китайском языке и *ака*, красный в японском языке) [6, с. 22]. Под воздействием европейских теорий света, почерпнутых китайцами и японцами в позднее время, цветообозначение *мурасаки* (пурпурный, в китайском языке – *zì*) заимствовало значение *фиолетовый* и сместилось в сторону синего участка спектра [6, с. 24].

Подобные сдвиги в истории цветообозначений в японском языке совмещаются с разной судьбой цветообозначений в русском языке. В работах, касающихся цветообозначений в лингвокультурной картине мира русских людей, отмечается факт избытка слов, отвечающих за оттенки. Например, в работе Е. П. Алымовой, проводившей сравнительный анализ распространенности цветовой лексики в разных языковых средах, подчеркивается, что «у русских информантов при соотнесении названных понятий с цветом в большей степени, чем у финских и китайских информантов, проявилось “многоцветие”» [2, с. 16]. Также интересно наблюдение, что «для русских в большей степени любовь – красная и розовая, страсть – красная, смерть – черная, жизнь – белая, черная, зеленая, желтая, счастье – желтое, нежность – голубая и розовая» [2, с. 16].

В Словаре современного русского литературного языка перечисляются такие значения пурпура: 1. Красно-фиолетовый краситель, добываемый в древности из выделений особых желез брюхоногих

моллюсков и употреблявшийся для окрашивания дорогих тканей. 2. Драгоценная одежда или ткань древних времен, окрашивавшаяся этим красителем. 3. Ярко-красный цвет с фиолетовым оттенком [7, т. 11, с. 1695]. Видно, что ряд коннотативных элементов сближается с семантическим полем японского *мурасаки* (происхождение, востребованность в красильной технике, редкость цвета), но *пурпурный* в русском языке не занимает таких центральных позиций (сравним популярность *красного* или *фиолетового*), какие в японском языке занимал ранее и сейчас занимает *мурасаки*.

После эпохи Хэйан под влиянием ряда идейно-религиозных тенденций (дзэн-буддизма, конфуцианства) поклонение пурпуру уступило место иным явлениям в искусстве и литературе Японии. В традиционных жанрах поэзии – *танка* (пястишия) и *хайку* (трехстишия) – в начале XX в., когда возникла необходимость реформирования образных средств этих стиховых форм, была пересмотрена роль цвета. Первым затронул цветообозначения как активные формы воздействия на читателей поэт Масаока Сики¹ (1867–1902). Сики более известен как автор *хайку* и как реформатор в этой области традиционного стиха, но вдохновленный европейской живописью, понятием перспективы, которой не было в японском искусстве, он позаимствовал технику объективного изображения жизни – *сясэй* (букв. *копирование природы*), опробовал ее в поэзии *хайку* и перенес собственные находки в пястишия *танка*.

Познакомившийся с западной живописью, Сики проповедовал технику срисовывания с природы, захватывания взглядом всего видимого художником мира. Целью поэта стало проникновение вглубь, ближе к объекту, поэтому в методике изображения природы не оказалось места субъективизму. Поэт предпочитал линию цвету, но интересно, что он не ограничивался монохроматическим изображением, включал в языковую палитру яркие, оригинальные оттенки. Примером введения в ткань стихотворения цветообозначения является группа пястиший из сборника «Песни из бамбукового селения» («Такэ но сато ута», 1904), посвященных цветам у изголовья больного Сики²:

Хасикуяси	Как он похож
Отомэ ни нитару	На цветущую девушку,
Курэнаи но	Этот алый пион –
Ботан но кагэ ни	В чьей тени так сладко
Уцууцу нэмуру	Мне дремлется...
	[8, т. 6, с. 312 ³].

¹ Сики (букв. с япон. – кукушка), псевдоним поэта Масаока Цунэнори. В дальнейшем будет применяться японская система обращения к авторам по именам или псевдонимам.

² Сики был тяжело болен туберкулезом и оставался прикованным к постели последние годы своей жизни.

³ Здесь и далее приводятся подробные источники оригинальных текстов *танка* (номер тома, страница и номер пястишия), перевод автора статьи.

Чувствуется, что мечты поэта и его страдания смягчены близостью пиона. Как и некоторые другие стихи Сики, посвященные цветам, это стихотворение напоминает любовное послание цветку. Американская исследовательница Дж. Байчман интерпретирует эту *танка* как приводящую к границе между мечтой и реальностью, где поэт, вероятно, находился в полубреду [9, р. 96]. Но главная ось стихотворения проходит между умирающим и цветущим, между спящим и самым сном. Ассоциации алого или красного пиона с живым, но склонным к угасанию объектом позаимствованы Сики из китайского искусства.

Семантическое поле цветообозначения *мурасаки* (пурпурный) расширилось в 1901 г. после выхода в свет сборника пятистиший и стихов свободного стиля Ёсано Тэкана (1872–1935) «Мурасаки» («Пурпур») и сборника пятистиший «Мидарэгами» («Спутанные волосы») знаменитой поэтессы, супруги Тэкана, Ёсано Акико (1878–1942). Страсть на страницах двух антологий не была спрятана под канонической игрой слов, она ассоциировалась с цветом – пурпуром, и это цветообозначение буквально «заиграло» новыми нюансами и коннотациями.

Можно привести несколько примеров такого «колористического» творчества из антологий Ёсано Тэкана и Ёсано Акико. Оба сборника супружеской четы Ёсано посвящены одному – страстной любви. Любовь, стоящая выше предрассудков и ложных чувств, не боящаяся расстояний и слухов, ассоциировалась с красными оттенками – *курэнаи* (алый, пурпур), *мурасаки* (пурпур, темно-багровый), *бэширо* (ярко-красный), *ака* (красный), *эндзисай* (пунцово-красный). По названию сборника Тэкана («Пурпур») понятно, что красные оттенки преобладают в тексте двух произведений. Сам сборник Ёсано Тэкана, включающий стихи в стиле *синтайси* (стихи нового стиля, свободный стиль японской поэзии Нового времени), детские стихи и *танка*, насчитывает 26 случаев использования подобных слов. Причем в *танка* слов, обозначающих красные тона, 23; из них на слово *мурасаки* приходится 48 % (11 слов), на слово *курэнаи* – 26 % (6 слов), на слова, идеографически родственные *курэнаи*, – *акаки*, *бэни(иро)*¹, приходится 21 % (5 слов) и на остальные слова и словосочетания, связанные с алым и красным оттенками, – все остальное.

Такое же высокое содержание красных и алых тонов (47 слов) определено и в сборнике «Спутанные волосы». Применение цветообозначения *мурасаки* насчитывает до 36 % (17 слов) от всего количества «алых» слов, использование *курэнаи*, *бэни(иро)* и *акаки* доходит до 26 % (12 слов), 9 %

(4 слова) и до 6 % (3 слова). Акико также обращается к иным цветообозначениям, преобразуя иероглифы в родственные слова. Например, иероглиф *курэнаи* или *бэни* в сборнике можно прочитать как *акэ*, что означает более теплый – красновато-коричневый оттенок по аналогии с техникой нанесения краски на ткань. Подобное богатство теплых тонов играло роль утверждения страстности, пылкости чувств лирических героев сборников *танка*.

На ранних этапах своего литературного творчества Тэкан поддерживал идеи Масаока Сики о *сясэй*, но в 1901 г. отошел от влияния автора «Песен из бамбуковой деревни». *Мурасаки* в его сборнике становится ключевым словом, которое породило в свою очередь своеобразный цветовой стиль, стиль *мёкин* (стиль звезд и фиалок). Эта техника – техника придания объектам реального мира ирреальных, сверхъестественных значений – становится популярной среди авторов романтико-символистской группы, противопоставившей свое творчество поэзии Масаока Сики и его учеников.

В области красного тона Ёсано Акико и Ёсано Тэкан оригинально применяют вместо слова *ака* с его узуальным значением ярко-красный слово *мурасаки* (пурпурный). Современные поэты обыграли слово *мурасаки*, в классической литературе означавшее оттенок красного и краску, получаемую из растения. Средневековые поэты прибегали к эпитету пурпурные рукава, буквально означавшему рукава, окрашенные в алый цвет, а в переносном значении – рукава, скрывающие страстную любовь.

Разнообразие оттенков характерно для письменного памятника средневековой Японии «Гэндзи моногатари» («Повесть о Гэндзи», XI в.). По мнению Ван Янгпин, любовь разных персонажей романа проявляется в разных оттенках. Например, «любовь Ниоу – красная, как солнце, огонь и сердце, эмоциональная, эротичная и аполлоническая, тогда как любовь Каору – пурпурная, как феникс и закат, благородная (Каору преклоняется перед возлюбленной Укифунэ) и поэтическая» [10, р. 11]. Также различает цвета Ёсано Тэкан в «Мурасаки»:

Коно хана ё	Этот цветок!
Тада хохоэмитэ	С улыбкой тихой на устах
Митэ ноборэ	Передай его подруге,
На га <i>мурасаки</i> ва	Тем дай ей знать,
Кими хаяку сираму	Что она – тот цветок «мурасаки»!

[11, с. 142, № 143].

Поэт противопоставил *мурасаки* в значении пурпур (или незаурядные отношения, высокая любовь) другим цветообозначениям – белому, а также другим представителям красного тона – таким, как светло-

¹ *Акаки* означает красный, идеоним графеме *курэнаи* и *бэни*. Один и тот же иероглиф в японском языке может читаться как *бэни*, *акаки* и *курэнаи*. Первое значение *бэни* – ярко-красный, алый цвет, второе – помада. Применяется в сборниках Тэкана и Акико как отдельно, так и в совокупности со словом *иро* (цвет), давая устойчивую коннотацию ярко-красного, помадного цвета.

красный – *токиуро*, пунцово-алый – *эндзиуро*, темно-красный – *курэнаи* и простой красный – *ака*.

<i>Эндзиуро</i> ни	В алый цвет
Хито ва тамото о	Она окрасила обшлага рукавов,
Самэнэрэтэ	Говорю ей:
Мада си то иину	«Слишком тусклый оттенок,
Вага коимурасаки	Вот моя душа горит багрянцем...»

[11, с. 246, № 264].

Но многие традиционные мотивы отступают перед основной идеей и заглавием сборника – уникальность поэтического таланта, выделяющегося среди заурядностей, как пурпурные тучи выступают на фоне обычных, пусть и окрашенных в золотистые тона на фоне закатного неба:

<i>Мурасаки</i> но	Пурпурные тучи
Кигумо ни уцуру	Скоро обратятся
Сибараку ва	В золотистые,
Кумо то надзуку на	Но не зови их тучами,
Такаки такаки си	Это – высокие, высокие мысли...

[11, с. 149, № 154].

До сих пор язык антологий *танка* Ёсано Тэkkана и Акико, сборников стихов Сусукида Кюкина (1877–

1945) и Камбара Ариакэ (1875–1952) вызывают споры именно в области интерпретации символических значений ряда образов. Имеет смысл продолжать изучать эти «многозначные» ключевые слова в плане семантики произведения, в плане особенностей перевода подобных квазипоэтических явлений на русский язык с учетом опыта нашего Серебряного века, а также в плане преподавания японского языка.

В дальнейшем в поэзии супругов Ёсано и других авторов *танка* и *хайку* традиционный эпитет *мурасаки* и близкие ему цветообозначения уступили место другим средствам поэтического самовыражения. В художественной палитре других поэтов Нового времени эти колоративы не значат так много, как в приведенных выше пятистишиях. В современной поэзии *танка мурасаки* соотносится только со значением фиолетовый. Поэзия, такая мощная и виртуозная в начале XX в., представленная игрой в слова-оттенки типа *мурасаки*, не переросла в новое качество японского языка, а остановилась на опрощении, сужении семантических полей.

Список литературы

1. Алпатов В. М. Япония. Язык и культура. М.: Языки славянских культур, 2008. 208 с.
2. Алымова Е. А. Цвет как лингвокогнитивная категория в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007.
3. Ёсиока Сатио. Красный цвет в истории Японии // Ниппония. 1998. № 4. С. 12–15.
4. Кокинвакасю (Собрание старых и новых песен Японии). В 3 т. М.: Радуга, 2005.
5. Оока Макото. Си но нихонго (Японский язык в поэзии). Токио: Тюко бунко, 2004. 178 с.
6. Богушевская В. А. Семантика цветоименований в китайском языке (универсальное и национальное): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.
7. Словарь современного русского литературного языка. В 12 т. М., Л. Изд-во АН СССР, 1950.
8. Масаока Сики. Сики дзэнсю (Полное собрание сочинений Сики). В 22 т. Токио: Коданся, 1975–1978.
9. Beichman J. Masaoka Shiki. His life and works. Tokyo, N.Y., San-Francisco: Kodansha International, 1986.
10. Wang Yu. The language of love in Tale of Genji // NUCB JLCC (Journal of Literary and Cultural Communication Nagoya University of Commerce and Business). 2002. V. 4. N. 2. P. 35–48.
11. Ицуми Куми. «Мурасаки» дзэнсяку (Полный комментарий к антологии «Пурпур»). Токио: Яги сётэн, 1985. 269 с.

Сулейменова А. М., кандидат филологических наук, доцент.

Дальневосточный государственный университет.

Ул. Суханова, 8, Владивосток, Приморский край, Россия, 690950.

E-mail: aidissimo@mail.ru

Материал поступил в редакцию 15.10.2009.

Suleymenova A. M.

THE COLOR TERM MURASAKI (PURPLE) IN THE JAPANESE MODERN TANKA POETRY

The article discusses the problem of the color term *murasaki* (purple) in the Japanese modern *tanka* poetry comparing with the same poetic methods from the classical poetry. The objects of the research were the works written by such authors as Masaoka Shiki (1867–1902), Yosano Tekkan (1872–1935) and Yosano Akiko (1878–1942).

Key words: *Japanese poetry, modern tanka poetry, Japanese, semantics of color terms.*

Far Eastern National University.

Ul. Sukhanova, 8, Vladivostok, Primorskiy kray, Russia, 690950.

E-mail: aidissimo@mail.ru